

Глава 15

После крови Тао Цю третий птенец выглядел немного бодрее, но всё ещё был очень слаб и ел медленно.

Боясь, что малышка не сможет переварить пищу, Тао Цю нарезал мясо ещё мельче. Он подобрал одно из своих выпавших перьев и использовал его как нож, а в качестве разделочной доски приспособил вымытую каменную плитку.

В последние дни он так же готовил еду для старшего и второго — это было быстрее и удобнее, чем разрывать мясо клювом.

Третья съела меньше половины порции своих брата и сестры. Вскоре она отвернулась, закрыла клюв и, свернувшись в гнезде, тихо уснула.

Слабость и плохой аппетит — недобрые знаки для новорождённого птенца.

Тао Цю вздохнул, укрыл её дополнительным одеяльцем и поставил гнёздышко так, чтобы оно всегда было у него на виду.

Устроив младшую, он повернулся к двум старшим, которые всё это время послушно ждали.

— Вы, наверное, ужасно проголодались, — сказал он.

Тао Цю только сейчас осознал, что время кормления старших давно прошло, и понял, что они молчали ради него и младшей сестрёнки. Он почувствовал гордость и лёгкую боль в сердце.

— Чив-чив.

Два круглых комочка, чёрный и белый, стояли рядом и нежно пищали, обращаясь к отцу.

— Вы мои умницы, — переполненный отцовской любовью, Тао Цю наклонился и поцеловал каждого в макушку.

— Чив-чив! — отцовская ласка взволновала птенцов, и их писк стал громче.

Тао Цю улыбнулся и, не говоря больше ни слова, взял заранее приготовленное мясо и начал кормить обоих.

За несколько дней он уже набрался опыта и знал, сколько мяса съедают птенцы за раз, поэтому обычно нарезал порции на весь день вперёд, чтобы в нужный момент не суетиться.

В птичьем облике он кормил их из клюва, в человеческом — самодельными деревянными палочками. Оба способа были по-своему удобны.

Когда они наелись, Тао Цю наконец позволил себе отдохнуть.

Патрулирование и охота отнимали много сил, а забота о едва не погибшей младшей истощила его и морально, и физически. Сейчас ему хотелось просто полежать.

В пещере ухаживать за тремя птенцами было удобнее в человеческом обличье, поэтому Тао Цю, не меняя формы, просто лёг в большое травяное гнездо, положив голову рядом с гнёздышком младшей, чтобы постоянно следить за ней.

Старший уже привык к тому, что отец может менять облик и размеры, а вторая даже не задавалась вопросом, почему папа иногда выглядит не так, как она.

Их маленькие головки пока не могли справиться с такими сложными вопросами.

Насытившись, старший и вторая не вернулись в свои гнёздышки, а запрыгнули на грудь Тао Цю. Прислушиваясь к его сердцебиению, они прижались головками друг к другу и медленно закрыли глаза.

Они тоже устали и хотели спать.

Глядя на сладко спящих птенцов, Тао Цю не смог побороть усталость и тоже заснул.

Вскоре в пещере слышалось лишь ровное дыхание семьи из четырёх человек.

Во сне вторая проголодалась. Она почувствовала сладкий аромат — тот самый, что исходил от диких ягод, которыми её кормил папа.

В её сне горы ягод лежали совсем рядом, ожидая, когда их съедят. Сглотнув слюну, вторая оттолкнулась лапками и прыгнула вперёд.

Но, открыв клюв, она почувствовала не сладкие ягоды, а что-то мягкое и пушистое, что мешало ей дышать.

Ягоды обросли шерстью!

Испугавшись, вторая отпрянула назад и тут же проснулась. Пища и пятак, она едва не

вывалилась из гнезда, но Тао Цю вовремя подхватил её.

Сидя на ладони отца, вторая несколько мгновений приходила в себя. Открыв глаза, она увидела, что папа с улыбкой смотрит на неё, и поспешила рассказать о своём открытии.

— Чив-чив! Чив-чив!

— Папа! Ягодка! Пух! Страшно!

Хотя вторая была умной, она всё же оставалась птенцом. За эти дни, слушая непрерывную болтовню Тао Цю, она смутно поняла свои отношения с папой, братом и сестрой, а также названия и предназначение некоторых окружающих предметов.

Но она ещё не могла точно выразить свои мысли даже на птичьем языке. Эти несколько слов Тао Цю сумел разобрать из её беспорядочного писка.

И, будучи слишком маленькой, она ещё не отличала сон от реальности.

Поняв, что ей приснилось, Тао Цю не смог сдержаться и громко рассмеялся.

— Ха-ха-ха, ты про эту ягодку говоришь?

Тао Цю поднёс к ней проснувшегося старшего. На его груди гладкий пух был взъерошен, а в центре виднелась небольшая вмятина, сквозь которую проглядывала розовая кожа.

Старший посмотрел на свою грудь, затем на растерянную сестру, и во взгляде его промелькнуло что-то похожее на смирение.

— Ещё не поняла, что произошло? — Тао Цю, ставший свидетелем всего происшествия, с улыбкой воссоздал «место преступления».

Он подтолкнул вторую к брату и легонько нажал на её головку. Её острый клювик точь-в-точь вошёл в ту самую вмятину.

Через три секунды до второй, кажется, дошло. Её глаза вспыхнули.

Она замахала крылышками, обращаясь к брату и отцу:

— Чив-чив-чив! Чив!

— Братик — ягодка! Пушистая!

Братик тоже был ягодкой, только с пухом.

Старший: «...» Не совсем понял, но, кажется, это было нечто не очень лестное.

Тао Цю:

— Пф-ф!

Он трясся от смеха, на глазах выступили слёзы, но он всё же не забыл показать дочери большой палец:

— Какая умница!

— Чив! Чив! — смутно поняв, что её хвалят, вторая радостно запрыгала.

В тёмно-зелёных глазах старшего читалось полное спокойствие. Видя, что отец ещё долго не успокоится, он просто опустил голову и начал клювом приводить в порядок свой взъерошенный пух.

Второй не зря приснились ягоды: Тао Цю как раз ускорял их созревание.

Проснувшись, он переложил двух птенцов со своей груди в их гнёздышки, поставил их себе на колени, а затем посадил семена ягод в землю перед собой.

Поэтому вторая и почувствовала сладкий запах, а Тао Цю успел её поймать.

За короткое время ягод выросло немного, и все они достались трём птенцам.

Он подумал, что выращенные с помощью его способности ягоды могут быть полезны для них, и дал младшей несколько лишних, надеясь, что она быстрее поправится.

Пока старшие спали, младшая один раз проснулась. Тао Цю покормил её мясом, и она снова уснула, а проснулась только что от его смеха.

Воспользовавшись моментом, Тао Цю осмотрел её. Младшая тоже была девочкой, почти чисто-белой, лишь на кончике хвоста было едва заметное чёрное пятнышко, которое, вероятно,

станет заметнее, когда она подрастёт.

Старший сын пошёл в того мужчину, вторая дочь — в него, а младшая унаследовала цвета обоих. Весьма справедливо.

Тао Цю усмехнулся. А он, оказывается, умеет рожать.

Кстати, сон, который он видел во время беременности, — цвета трёх птенцов в нём, кажется, совпадали с реальностью.

Случайность ли это, или жизнь настолько удивительна, что биологическая связь между матерью и ребёнком может предсказывать будущее?

Тао Цю покачал головой, отбрасывая вопрос, на который не мог найти ответа.

Птенцы любили мясо, но дикие ягоды были таким лакомством, что они с удовольствием ели их в качестве десерта.

Насытившись, старшие, не чувствуя сонливости, подошли к младшей. Взглядом спросив разрешения у Тао Цю и получив его, они приблизились к сестре.

Пух младшей уже почти высох. Сейчас она, свернувшись комочком, напоминала кусочек заплесневелого тофу. Она была заметно меньше, чем её брат и сестра в том же возрасте — врождённая слабость.

В мире не бывает ничего идеального. По сравнению с его родителями, у которых из целой кладки вылупился только он один, ему, чьи три яйца превратились в птенцов, уже несказанно повезло.

После того как все птенцы вылупились, психологическое напряжение Тао Цю спало. Хотя ухаживать за тремя малышами было по-прежнему тяжело, наблюдение за их ростом наполняло его сердце неопишуемым удовлетворением, которое компенсировало часть усталости.

Младшая, хоть и была слабой, в своей активности не уступала второй.

Конечно, вторая была подвижной по своей природе, а младшая — просто потому, что слишком зависела от Тао Цю.

Возможно, зная о своей слабости и испытывая недостаток в безопасности, младшая,

почувствовав в Тао Цю свою главную опору, как только у неё появлялись силы, даже с закрытыми глазами, по запаху находила его и ковыляла в его сторону.

Оказавшись в объятиях отца, она снова становилась тихой и слабой и спокойно засыпала.

Но у Тао Цю были и другие дела, он не мог постоянно носить её с собой. Поэтому, уходя, он клал её в гнёздышко, пропитанное его запахом.

Однако малышка была очень чуткой и отличала запах от присутствия.

Обнаружив, что отца нет рядом, она не плакала и не пищала, а лишь жалко забивалась в угол, сжималась в комочек и дрожала от страха, как вибрирующий пушистый шарик.

Даже присутствие брата и сестры не помогало. Единственным лекарством были объятия отца.

Каждый раз, видя это, Тао Цю чувствовал, как у него разрывается сердце. Он тихо и ласково уговаривал её, пока она не успокаивалась.

Ночью младшая отказывалась спать в своём гнезде, и Тао Цю клал её себе на грудь. Движение его грудной клетки при дыхании действовало как колыбель, и она спала крепко и сладко.

Старший и вторая, видя это, тоже отказывались возвращаться в свои гнёзда, хотя те и стояли совсем рядом с головой Тао Цю.

Но они были хитрыми: боясь, что отец не разрешит, они перебирались к нему на грудь посреди ночи, сворачивались рядом с младшей и заодно согревали её.

Просыпаясь ночью, чтобы покормить птенцов, Тао Цю, обнаружив на себе три пушистых комочка, лежащих в ряд, с улыбкой тыкал каждого пальцем, но не прогонял старших, позволяя им и дальше использовать себя в качестве кровати.

Младшая не возражала против присутствия брата и сестры. Она оставалась тихой и послушной и иногда даже сама тёрлась о них.

Старший и вторая тоже очень любили младшую сестру. Во время еды они всегда ждали, пока Тао Цю накормит её, и только потом начинали пищать, прося еды.

Хотя в их многодетной семье Тао Цю явно отдавал предпочтение младшей, это не приводило к тому, чтобы птенцы из-за инстинктов выживания или ревности вредили друг другу.

Помимо того, что все трое были умными, с интеллектом и эмоциями, значительно

превосходящими обычных животных, Тао Цю дарил каждому из них достаточно любви. Поэтому никто не считал, кому досталось больше, а кому — меньше.

<http://bllate.org/book/15883/1583528>